81.
97073

Евгеній Морозовъ.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АРМІИ—
АРТИСТЫ МОСКВЫ

СТИХОТВОРЕНІЯ

МОСКВА.
Типо-лит. Высоч. утв. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, собств. домъ.
1892.

Евгеній Морозовъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

МОСКВА.
Типо-лит. Высоч. утв. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, собств. домъ.
1892.

Bayerische Staatsbibliothek
<36654063920011

Bayerische
Staatsbibliothek
München

170e3/1910

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Ты говоришь,—предмета нѣтъ для пѣсенъ	9
Звѣзды неба золотыя	10
Ручей	11
О, пей со мной, любви дитя	13
Прилетѣла весна золотая	14
Серенада	15
Лучи умираютъ на западѣ дальнемъ	17
Ночи лунныя... Въ туманѣ	18
Звуки причудливо-страстные	19
Укройся отъ бури подъ свѣжій листокъ	21
Дышетъ утро сномъ разсвѣта	22
Скрипки	24
Солнце, воздухъ и цвѣты	27
Три креста	28
Взятый городъ	29
Уйди отъ меня, золотая мечта невозможнаго счастья	31
Да, жизнь—мучительный вопросъ	33
Кого-то хоронятъ. У церкви стоятъ	34
Изъ Лоренцо Стеккетти	35
Ни звука въ безмолвьи ночномъ	36
Зимній день	37
Оставь меня!... Зачѣмъ твой взглядъ	38
За чаркой	40
Весенней порою она умирала	42
Я зарыдать готовъ порой	43
Гдѣ-же? (В. А. Трескиной)	44
Дальше	46

Стр.

Ты стоишь предо мною 47
На голый черепъ лавры, розы 48
Изъ Виктора Гюго 50
Зеленыхъ листьевъ мирный шумъ. 52
Мечтаютъ-ли? 54
Въ ясномъ небѣ потонула 57
Волна и берегъ. 59
Мечтатель 60
Кружатся толпою нестройной 64
Любовь, неси свои дары. 66
Спорятъ горы съ облаками. 68
Лучей полдневныхъ ткань живая. 70
Поэту 71
Сонетъ. 73
Отъ этихъ новенькихъ крикливыхъ сочиненій. 74
Я не способенъ на признанье 75
Изъ Виктора Гюго. 77
Брачная ночь 79
Всю жизнь съ стихіей дубъ могучій. 81
Я-бъ увелъ тебя далеко 83
Хоръ егерей 85
Весной 87
Тоскуя, приникъ я къ тебѣ головой 89
На могилу Надсона. 91
Сердце. 93
Къ картинѣ Рѣпина. 94
Южный романсъ 96
Въ альбомъ.. 98
На старой березѣ, въ тѣни порѣдѣвшихъ вѣтвей 99
На открытіе Закаспійской дороги 100
Она коснулася рояли 104
Тройка. 106
Я ночью лѣтнею зашелъ въ тѣнистый лѣсъ. 108
О, мигъ возвращенья къ забытымъ мѣстамъ. 110
Вперивъ въ картину взоръ влюбленный 112
Я вспомнилъ тебя и дрожащей рукою 114
Анатолію Морозову 116
Давно тебя земля нѣмая. 118

Стр.

Я не нарушу въ часъ ночной. 120
Онъ хоронилъ ее безъ слезъ. 122
Ты вся—любовь и упоенье. 123
Все тихо здѣсь... Не бьютъ фонтаны. 125
Н. И. Тимофѣеву 126
Пѣсенка 128
Мечтатели и скептикъ. 130
О, пусть меня не любишь ты. 132
Два народа 134
Будь, что будетъ! Не думай, забудься на мигъ 137
Тоскливую пѣсню затянетъ-ли горе. 138
Сосна и потокъ. 140
Ты правду сказала, съ тобой 142
Мы изнывали въ тьмѣ унылой 144
Не хмурься, неопытный другъ 146
Спокойно на душѣ. Въ свободномъ созерцаньи 149
Когда Христа Іуда предалъ 150
Въ гондолѣ. 153
Н. О. Васильеву 155
Типъ гречанки черноокой 157
15 іюля 1841 159

СТИХОТВОРЕНІЯ.

* * *

Ты говоришь,—предмета нѣтъ для пѣсенъ
Средь жизни тягостной, томительно-пустой,
Что красокъ нѣтъ, цвѣта покрыла плѣсень,
И тщетны поиски твои за красотой.
О, нѣтъ—для пѣсенъ, другъ, всегда найдутся звуки
У тѣхъ, въ комъ не молчитъ струна земной любви.
Хоть жизнь кругомъ сѣра, въ ней слышны стоны муки,
Въ ней честная борьба,—пойми ихъ, улови.
Пусть стихъ твой мощной не создастъ картины:
Порой осеннею не слышно грома грозъ,—
Но изъ житейской, съ виду грязной тины
Съумѣй извлечь струю въ ней скрытыхъ, чистыхъ слезъ.

---

* * *

Звѣзды неба золотыя!
Въ безпредѣльной вышинѣ,
Чуть замѣтныя, большія,
Кротко свѣтите вы мнѣ.

И съ моей земной постели
Мнится мнѣ, что въ небесахъ
Раздаются тихо трели
О земныхъ моихъ слезахъ.

Эти слезы въ свѣтѣ льются,
Съ бездной синею плывутъ,
Въ безконечность жадно рвутся,
Но отвѣта не найдутъ

Тамъ, въ странѣ міровъ незримыхъ,
И опять къ землѣ родной
Съ тѣхъ высотъ неизмѣримыхъ
Жгучей падаютъ росой.

Ручей.

Средь нѣжной зелени полей
И тамъ, въ тѣни лѣснаго свода,
Бурливый пѣнится ручей,
Въ его движеніи—свобода.
Надъ нимъ объятія небесъ,
Вокругъ цвѣты весны душистой,
Шумитъ листвою темный лѣсъ,
Играетъ вѣтеръ влагой чистой.
Онъ не боится мощныхъ грозъ:
Вѣдь тучъ собравшаяся стая
Дождемъ своихъ обильныхъ слезъ
Къ нему-же бросится, рыдая.
Течетъ онъ свѣтлой полосой,
Съ преградой почвы бодро споря...

Найдетъ-ли онъ себѣ покой
Въ пучинѣ ропщущаго моря?
Впередъ-же, смѣлый мой ручей,
Борись и въ немощной дремотѣ
Прозрачной влаги не разсѣй
Въ заросшемъ, тинистомъ болотѣ!

* * *

О, пей со мной, любви дитя!
Держи вина шипящій кубокъ,
И пусть твоихъ прелестныхъ губокъ
Коснется влажная струя!

О, пой со мной, дитя любви!
Внимая кроткой нѣгѣ звука,
Смирится гложущая мука,
Уснутъ сомнѣнія мои!

Союзомъ пѣсни и вина
Мы горечь жизни зачаруемъ
И страстнымъ, долгимъ поцѣлуемъ
Любовь исчерпаемъ до дна!

---

* *
*

Прилетѣла весна золотая.
Щедро солнце лучи свои льетъ.
Подъ могучимъ дыханіемъ мая
Все кругомъ такъ роскошно цвѣтетъ.

Съ громомъ тучка вверху набѣжала;
Будто въ спорѣ, деревья шумятъ,
И на листьяхъ, прозрачнѣй кристалла,
Капли влаги душистой висятъ.

Какъ на вишнѣ зацвѣтшей одежда,
Свѣтлой вѣрой, душа, обновись!
Воротись, золотая надежда,
И сквозь слезы веснѣ улыбнись!

Серенада.

Подъ нѣмымъ ночнымъ покровомъ
Спитъ безмолвная земля.
Страстной пѣсни нѣжнымъ словомъ
Пробуждаю я поля.
Стройныхъ звуковъ переливы
Рѣютъ въ воздухѣ, маня
Насъ подъ тѣнь нависшей ивы,—
Милый другъ, люби меня!
Ты идешь дорожкой сада,
Тихо платьемъ шелестя;
Удалила серенада
Сонъ твой, доброе дитя.
Полны нѣги милой очи...
Насъ, заботливо храня,
Скроетъ мгла прохладной ночи,—

16

Милый другъ, цѣлуй меня!
Эти свѣтлыя мгновенья,
Что для счастья намъ даны,
Чужды боли и сомнѣнья,
Какъ младенческіе сны...
Если-жъ жизнь рукой суровой
Разлучитъ, любовь гоня,
Насъ съ тобой для скорби новой,—
Милый другъ, прости меня!

* * *

Лучи умираютъ на западѣ дальнемъ.
Какъ лебеди, тихо плывутъ облака,
И въ блескѣ тускнѣющемъ, блескѣ прощальномъ
Подернулась нѣжною зыбью рѣка.
Цвѣтущее ложе красавицы спящей—
Вечерней росы—затуманился лугъ,
И свистъ соловья изъ березовой чащи
Сильнѣе ласкаетъ внимательный слухъ.
Мнѣ поле и роща желанья вдохнули,
Я жду, не дождусь, дорогая, тебя...
Сомнѣнья смирились, какъ люди, уснули...
Приди-жъ, довѣряясь, прощая, любя!

* * *

Ночи лунныя... Въ туманѣ
Тѣни смутныя слились.
По зеркальной водъ полянѣ
Мы на лодкѣ понеслись.

Весла сказки намъ шептали.
Міръ такъ царственно молчалъ.
Изъ-за темной, сонной дали
Лѣсъ, какъ призракъ, выплывалъ.

Вѣтка къ влагѣ жадно гнулась,
Вѣтерокъ ее ласкалъ...
Ты взглянула, улыбнулась,
Я тебя поцѣловалъ...

Ночи лунныя!.. Мы плыли
По теченію рѣки
И въ минуты тѣ забыли
Годы боли и тоски!

* *
*

Звуки причудливо-страстные
Льются волной серебристою,
Звуки прекрасные,
Дѣвственно-чистые
Вдругъ переходятъ въ порывы ужасные,
Полные скорби, моленья напраснаго,
Полные горя, какъ ночь безпросвѣтная, мглистаго.
Пѣсня души непонятная
Что говоришь ты, капризная,
Пѣснь необъятная?
Въ ней съ укоризною
Вмѣстѣ и вѣра живетъ благодатная,
Свадебный гимнъ—съ похоронною тризною,
Съ высью небесъ—подземелье холодное, смрадное.
Все въ ней—созданіе генія,
Мощь и порывъ въ безконечное.

Дышетъ твореніе
Правдою вѣчною.
Въ ней и паденье и къ свѣту стремленіе,
Въ ней и гроза и томленья сердечныя...
То человѣка надежды, сомнѣнія,
Это его быстротечная
Жизнь наслажденья, борьбы и побѣдъ и мученія.

* *
*

Укройся отъ бури подъ свѣжій листокъ,
Полей кратковременный гость, мотылекъ!
Тебѣ-ли, малюткѣ, подъ вѣтромъ летать,
Тебѣ-ли бороться, тебѣ-ли роптать?

Вонъ птичка и та притаилась въ кустахъ.
Какъ страшно, какъ грозно въ сѣдыхъ небесахъ!
Одинъ лишь орелъ презираетъ ихъ громъ...
Не всякій, вѣдь, можетъ быть въ бурю орломъ!

---

* * *

Дышетъ утро сномъ разсвѣта.
Въ блѣдномъ небѣ безъ слѣда
Скоро скроется и эта
Запоздавшая звѣзда.
Въ дымкѣ легкаго тумана
На востокѣ тамъ, смотри,—
Занялась сегодня рано
Лента огненной зари.
Дремлютъ зрѣющія нивы,
Полны свѣжести ночной,
Колосъ сочный и лѣнивый
Никнетъ долу головой.
Васильки вѣнцы раскрыли,
Напоенные росой.
Облака вверху застыли
Млечно-желтой полосой.

Вѣтра нѣтъ. Недвижно небо.
Притаилися поля.
Подъ безбрежнымъ моремъ хлѣба
Схоронилася земля...
Ярче утро золотое,
Волны свѣта солнце льетъ,
И въ разнѣженномъ покоѣ
День-красавецъ настаетъ.

Скрипки.

(Фантазія).

Смычки скользятъ и нѣжнымъ строемъ
Мелодій легкихъ вьется рядъ...
То духи воздуха летятъ
И пляшутъ золотистымъ роемъ.

Ворчатъ чуть слышныя сурдины...
То эльфы призрачной толпой
Надъ темной носятся землей.
Встаютъ чудесныя картины:

Тамъ вѣтерокъ играетъ съ лѣсомъ,
Тамъ въ берегъ плещется волна,
Тамъ въ чуткій сонъ погружена
Долина подъ ночнымъ навѣсомъ,

И звѣздъ далекіе алмазы
Льютъ тихо свой пугливый свѣтъ...
Но грезъ ласкающихъ привѣтъ
Нарушенъ на срединѣ фразы.

Струна дрожитъ и выступаетъ,
Въ ней слышенъ чей-то слабый стонъ
И диссонансомъ тѣмъ смущенъ,
Мотивъ ея не заглушаетъ.

Хоть прежній строй еще чаруетъ,
Но чѣмъ-то новымъ омраченъ,
Какъ будто сквозь небесный сонъ
Душа мятежная тоскуетъ.

То человѣкъ тревогой знойной,
Въ борьбѣ съ отчаяньемъ нетвердъ,
Смутилъ плѣнительный аккордъ
Природы мирной и спокойной.

И все собой онъ заражаетъ...
Ужь плачутъ эльфы на цвѣтахъ,
Слезятся звѣзды въ небесахъ
И скрипки ропщутъ и рыдаютъ.

Ужасный вопль... и все стихаетъ...
Въ объятьяхъ ночи трупъ лежитъ...
И реквіемъ въ струнахъ звучитъ
И глухо, скорбно замираетъ...

* * *

Солнце, воздухъ и цвѣты,—
Мощь проснувшейся природы,
И въ моихъ объятьяхъ ты...
Одного лишь нѣтъ—свободы!

Бурно дышущая грудь,
Устъ безумныя лобзанья—
Заградили прежній путь,
Путь къ простору, свѣту знанья.

Сладострастья пышный пиръ,
Голосъ звучный, взоръ твой милый—
Какъ подкравшійся вампиръ,
Жадно пьютъ остатокъ силы.

Раненъ я, струится кровь,
Замеръ голосъ убѣжденья...
И моя къ тебѣ любовь—
Жизни честной погребенье!

Три креста.

Первый крестъ на шею мать ему надѣла.
Онъ тогда ребенкомъ бѣлокурымъ былъ...
И опять надъ спящимъ пѣсенку запѣла...
Сынъ до гроба пѣсни этой не забылъ.

Крестъ второй—то крестъ тяжелой, скорбной жизни...
Это бремя горя, униженій, слезъ,
Вѣрный другъ народа, преданный отчизнѣ,
Онъ прямой дорогой безупречно несъ.

Третій—наклонился на его могилѣ...
Время стерло надпись, дождикъ имя смылъ...
Да и люди-братья скоро позабыли—
Кто за нихъ побратски кости здѣсь сложилъ.

Взятый городъ.

(Изъ Виктора Гюго).

Ты повелѣлъ, халифъ, и пламя пожираетъ,
И краситъ крышъ верхи, какъ мрачная заря,
И крики твоего народа заглушаетъ,
И пляшутъ языки и весело играютъ,
И зданья рушатся и падаютъ, горя.
Сожженные дворцы превращены въ гробницы:
Тысячерукое убійство-великанъ
Ползетъ; „пощады нѣтъ“—приказъ ужасный данъ,
И вьются вороны, зловѣщей смерти птицы.
Стонъ бѣдныхъ матерей!... и дѣвушки рыданьемъ,
Дрожа, привѣтствуютъ ихъ юныхъ дней позоръ!
И изъ шатровъ влекутъ ихъ кони на просторъ,
Изъ тѣхъ шатровъ, гдѣ воинъ съ буйнымъ поруганьемъ
Безчестилъ ихъ тѣла побоемъ и лобзаньемъ!
Любуйся жатвою своихъ великихъ дѣлъ,

Смотри—въ огромный саванъ городъ ты одѣлъ,
Смотри—когда своей могучею стопою
Ты сталъ сюда, то все склонилось предъ тобою...
Тамъ ножъ священника въ молитвѣ поражалъ,
Святую книгу онъ—напрасный щитъ—ронялъ...
Младенцы эти всѣ, которыхъ придавили
Обломки плитъ,—вѣдь всѣ они недавно жили...
И золото тебѣ кровавое несетъ
Твой обезумѣвшій, запятнанный народъ!

* *
*

Уйди отъ меня, золотая мечта невозможнаго счастья!
Зачѣмъ обаяньемъ своимъ истомленную душу терзаешь,
Зачѣмъ, вдохновенная дочь красоты и весенняго свѣта,
На крыльяхъ любви тихо рѣешь предъ алчущимъ взоромъ?
Уйди отъ меня!... пусть останусь одинъ я въ темницѣ—
Не будетъ тревожить меня твой обманчивый призракъ:
Онъ лжетъ, напѣвая мелодіи рая страдальцу,
Казнитъ онъ преступника образомъ гордымъ героя!...
Забудусь я, только лишь сонъ мнѣ закроетъ усталыя очи,
И вотъ ты опять предо мной, какъ змѣя, своимъ ви-
домъ чаруешь!...
О, сколько именъ тебѣ—женщина, юность, свобода и
слава,
Манятъ они сердце, на ясный пиръ жизни его призывая,
Оно и трепещетъ и рвется на этотъ плѣнительный голосъ...
И снова проснешься и видишь себя въ томъ-же склепѣ!

Уйди отъ меня!... или хочешь, чтобъ я раскроилъ себѣ
черепъ
Объ эти гнетущія стѣны, чтобъ я прекратилъ эту пытку
Стремленія къ свѣту средь мрака — холоднымъ забве-
ніемъ гроба?!

* * *

Да, жизнь — мучительный вопросъ...
Онъ заданъ людямъ ихъ природой.
Съ глазами, красными отъ слезъ,
Нашъ родъ, какъ школьникъ безбородый,
Поникъ, сомнѣніемъ томимъ,
Надъ непокорною проблемой.
Нагія числа передъ нимъ —
Пространство, сила, время — нѣмы.
Есть мудрецы, они отвѣтъ
Могли-бы дать давно и просто,
Да ихъ не хочетъ слушать свѣтъ —
Крестовъ угрюмаго погоста.

---

* *
*

Кого-то хоронятъ. У церкви стоятъ
Обитыя чернымъ наемныя дроги.
На паперти тѣсно уставились въ рядъ
Старухи, больной и убогій.

Уныло доносятся—звукъ литіи,
Священника голосъ, да чьи-то рыданья...
И нищіе робкой толпою пришли
У смерти просить подаянья.

Изъ Лоренцо Стеккетти.

Когда спадутъ съ деревъ листы,
Мою забытую могилу
Придешь искать, я вѣрю, ты
Въ углу кладбища, другъ мой милый.
Ее полей родныхъ цвѣты
Покроютъ красками своими;
Сплети изъ нихъ гирлянду ты,
Увей свою головку ими.
И тѣ цвѣты, что прорастутъ
Изъ сердца мертваго поэта,
Тебѣ оттуда принесутъ
Слова прощальнаго привѣта,
Тѣ пѣсни, что задумалъ я,
Но не допѣлъ передъ кончиной,
И будетъ въ нихъ порывъ единый,
Одинъ порывъ — любовь моя!

---

* * *

Ни звука въ безмолвьи ночномъ,
Ни искры средь тьмы непроглядной...
Но что-же я вижу кругомъ,
Чему я внимаю такъ жадно?
То бредъ-ли тревожнаго сна,
Обманъ-ли усталаго зрѣнья?
Колеблетъ-ли воздухъ струна,
Доносится-ль грустное пѣнье?...
Глупецъ! Я въ безмолвьи ночномъ
Свои-же подслушалъ рыданья:
Воскресли во мракѣ нѣмомъ
Убитыя жизнью мечтанья
И образы ткутъ въ тишинѣ,
И къ нимъ простираются руки,
И плачутъ тамъ гдѣ-то, во мнѣ,
Въ груди наболѣвшіе звуки!

Зимній день.

Пустыня бѣлая слѣпитъ и рѣжетъ взоръ.
Какой безжизненно-сіяющій просторъ!
Играютъ небеса холодными лучами
И искрятся поля холодными снѣгами...
Здѣсь смерть господствуетъ, но губитъ, веселясь:
Сѣдаго инея разубранная вязь
Нарядным̀ъ саваномъ повисла надъ лѣсами,
Сквозитъ блестящій ледъ—тюремщикъ надъ водами.
Куда ни обернись—повсюду царство сна;
Но царь его, морозъ, какъ хитрый сатана,
Дыханьемъ гробовым̀ъ природу умертвившій,
Смѣется радостно надъ жертвою погибшей,
И дикій властелинъ, надъ воздухомъ, землей,
Глумясь, надъ всѣм̀ъ простеръ беззвучный хохотъ свой.

* * *

Оставь меня!... Зачѣмъ твой взглядъ
Мнѣ въ душу сладко проникаетъ
И снова страсти жгучій ядъ
На раны сердца проливаетъ?
Давно привыкъ съ тоской своей
Идти я гордо, одиноко;
Какъ съ женщиной, обнявшись съ ней,
Встрѣчалъ я жизни мракъ глубокій...
Скажи, зачѣмъ-же ты меня
Съ подругой старой разлучаешь,
И снова свѣтъ дразнящій дня
Мнѣ въ душу темную бросаешь?
Она отвыкла отъ лучей,
Трепещетъ, какъ ночная птица,
И этихъ радостныхъ очей
И избѣгаетъ и страшится!
Оставь меня съ моей тоской,—
Она, какъ ты, не посмѣется,

Не наглумится надо мной,
Сильнѣй тебя ко мнѣ прижмется,
И на груди моей замретъ,
Мнѣ безъ измѣны правду скажетъ,
И до могилы доведетъ,
И въ гробъ одна со мною ляжетъ...

За чаркой.

Жизнь, сдается, была-бы совсѣмъ хороша,
Лютой скукой меня не томила,
Если-бъ вонъ не рвалась безпокойно душа,
Если-бъ вѣрила, если-бъ любила!

Я-бъ настроилъ тогда балалайку свою
И считалъ-бы ее я за лиру,
И сказалъ-бы я гордо: „пою и люблю!“
Хоть въ лицо всему Божьему міру.

А подружкѣ своей, я-бы сталъ ей вплетать
Все цвѣты въ темнорусую косу,
Сталъ-бы нѣжныя рѣчи голубкѣ шептать,
Цѣловаться-бы сталъ съ ней безъ спросу.

Какъ-бы любо намъ было сидѣть вечеркомъ
И на мѣсяцъ смотрѣть у порога,

Какъ-бы счастливы были мы съ нею вдвоемъ,
На людей не глядѣли-бы строго;

Какъ работалъ-бы я, какъ ходила-бъ рука,
Какъ для милой-бы грудь надрывалась;
Далеко отлетѣла-бъ злодѣйка-тоска,
Сердце-бъ съ нею, проклятой, не зналось!...

Только жалко, не любятъ вотъ дѣвки меня...
Жаль, разбита давно балалайка...
Въ кабакѣ облѣнился, запутался я...
Что-жъ ты, дурень, заснулъ?... Наливай-ка!...

* *
*

Такъ медленно по скату горъ
Спадаетъ глыба снѣговая.

Пушкинъ.

Весенней порою она умирала,
Когда нарядились цвѣтами поля,
И медленно гасла и тихо сгорала
Въ то время, когда ликовала земля.
Крылатыхъ пѣвцовъ серебристыя трели,
Купаясь въ бездонной небесъ глубинѣ,
Ей гимнъ похоронный такъ радостно пѣли...
Она въ непробудномъ покоилась снѣ...

Такъ глыба спадаетъ съ горы снѣговая.
Въ то время, какъ лучъ всю природу живитъ,
Ей смерть онъ несетъ и, прозрачная, тая,
Слеза за слезою поля окропитъ.
Смѣется улыбкою праздничной мая
Спокойное лоно цвѣтущихъ долинъ,
Она-же неслышно лежитъ, умирая,
Кристальная дочь горделивыхъ вершинъ!

---

* * *

Я зарыдать готовъ порой,
А жизнь смѣется надо мною
И дразнитъ дикой пустотой
И давитъ мертвой тишиною.
Одинъ бреду я, въ сторонѣ,
Безъ цѣли, страсти, безъ святыни,
И не сулитъ оазисъ мнѣ
Нѣмая лента дали синей.
Миражи... даже ихъ прогналъ
Разсудокъ скучный съ небосклона,
И мракъ все гуще одѣвалъ
Земли темнѣющее лоно...
Когда же оглянусь назадъ,
Тамъ, скорбный раздражая взглядъ,
Въ унылой жизненной долинѣ
Мечты разбитыя лежатъ,
Какъ кости на пескахъ пустыни.

Гдѣ-же?

(В. А. Трескиной.)

Гдѣ-жъ шумящій подъ бурею лѣсъ,
Въ зной—прохлада спокойной рѣки,
Голубая окраска небесъ,
Ржи колосья въ поляхъ, васильки?

Гдѣ-же звѣзды волшебныхъ ночей,
Солнце ясное мирнаго дня;
Отвѣчай мнѣ, скажи, соловей,
Гдѣ вечерняя пѣсня твоя?

Гдѣ вы, юности свѣтлой мечты,
Вѣры чистой живая струя,
Вы, дышавшія страстью черты?
Гдѣ-же воля, гдѣ сила моя?

А теперь... одиноко, темно,
Зимней вьюги пронзительный ревъ,
И сливается съ ней за одно
Этой пѣсни тоскливый напѣвъ!

Дальше!

Въ пустынный край, гдѣ стонетъ море,
Катя сердитые валы,
Туда-бъ унесъ свое я горе—
Въ пучину бурь и хмурой мглы!
Чтобъ тамъ, на сѣверѣ угрюмомъ,
Я могъ набраться новыхъ силъ
И вольный вихрь меня училъ
Воспѣть мои нѣмыя думы;
Чтобы въ странѣ глухихъ снѣговъ,
При блѣдномъ сѣверномъ сіяньи,
На почвѣ чуждыхъ береговъ—
Мое кипучее страданье,
Какъ грудь мятежная волны,
Въ могучихъ отзвукахъ роптало
И изъ душевной глубины
Свободы пѣсни извлекало!

---

* * *
*

Ты стоишь передо мною,
Такъ свѣжа и хороша,
Но тревожною тоскою
Ужь полна твоя душа.

Эти добренькіе глазки,
Эти щечки цвѣта розъ
Не однѣ встрѣчали ласки,—
Имъ знакома горечь слезъ.

Непреклонною рукою
Жизнь коснулась и тебя:
Жгучей мукою земною
Ты волнуешься, любя.

На прелестное созданье,
Что свѣжо, какъ вешній день,
Ужь свою бросаетъ тѣнь
Неизбѣжное страданье.

---

* * *

На голый черепъ лавры, розы:
Цѣлуетъ слава старика.
Зачѣмъ-же льются эти слезы,
Дрожитъ изсохшая рука?
Могучій геній, оцѣненный
Потомства искреннимъ судомъ,
Съ челомъ, уныло наклоненнымъ,
Грустя, задумался—о чемъ?
Далекъ полетъ воспоминаній...
Воскресли молодости дни.
Средь мглы лишеній и страданій
Текли нерадостно они.
Толпа его не признавала,
Надъ словомъ истины глумясь,
И нагло юношу пятнала
Клеветъ и оскорбленій грязь.

Но онъ тогда въ умѣ великомъ
Созданья лучшія носилъ,
Онъ шелъ впередъ съ побѣднымъ кликомъ
Онъ вѣрилъ, жертвовалъ, любилъ!
И поздней славой озаренный,
Онъ вспомнилъ долю бѣдняка...
Вотъ отчего въ ночи безсонной
Дрожитъ усталая рука,
И тихо царственныя грезы
Изъ мрака прошлаго плывутъ,
И тихо съ глазъ потухшихъ слезы
На ликъ морщинистый текутъ.
Онъ видитъ... вотъ и крышка гроба
Предъ нимъ раскрыта... такъ... туда!
Въ дни свѣжихъ силъ--гоненье, злоба,
Гнетъ подневольнаго труда,
А въ дни заката громкой славы
На трупъ возложенный вѣнецъ...
Иль въ этой жизни величавой
Былъ дорогъ людямъ лишь конецъ?

Изъ Виктора Гюго.

Съ неба солнце сегодня исчезло средь тучъ,—
День и ночь завтра буря навѣрное будетъ;
А потомъ сквозь туманъ и зари брызнетъ лучъ...
Новый день... и у вѣчности даромъ ничто не убудетъ.

Дни за днями пройдутъ непрерывной чредой—
На пучинахъ морей и на горныхъ вершинахъ,
По сребристымъ рѣкамъ, по лѣсамъ, гдѣ порой
Словно слышится гимнъ мертвецовъ, нами въ жизни любимыхъ.

Не старѣй отъ морщинъ очертанія горъ,
Вѣчно зелены рощи... любимцамъ природы,
Имъ всегда—молодѣть, и рѣка на просторъ
Вѣчно будетъ съ стремнинъ рваться, морю нести свои воды.

Только я, головою поникнувъ сильнѣй
Съ каждымъ днемъ, холодѣя подъ блескомъ лучей,
Только я скроюсь скоро средь общаго пира,
Незамѣтно для радостнаго, безпредѣльнаго міра!

* * *

Ma vie obscure
Se berçait d'un doux avenir.
Béranger.

Зеленыхъ листьевъ мирный шумъ,
Живая музыка дубравы,
Ты облегчаешь горечь думъ...
Напоены росою травы,
Прохлада въ воздухѣ лѣсномъ...
Подъ этотъ мѣрный гимнъ природы
Забылся я глубокимъ сномъ...
Передо мной былые годы...
Тамъ доля темная моя
Изъ колыбели зарождалась,
Тамъ научался мыслить я,
А жизнь отрадною казалась!
И образъ матери родной,
Склонившись тихо къ изголовью,
Сіялъ привѣтно надо мной
Своею кроткою любовью...

Потомъ мнѣ снилось... хоронилъ
Я духа свѣтлыя мечтанья,
Порывъ свободный свѣжихъ силъ
И счастья краткія лобзанья...
И содрогнулась грудь моя,
И вотъ сквозь сонъ заплакалъ я...
Весенній вѣтеръ шаловливо
Игралъ горячею слезой,
И плакала, склонившись, ива,
И плакалъ тутъ-же сиротливо
Цвѣтокъ, увлаженный росой...

Мечтаютъ-ли?

(Изъ Маріи Конопницкой).

Склонивши головы надъ тяжкою работой,
Влача свои безрадостные дни
Въ колючихъ терніяхъ обыденной заботы,
Мечтаютъ-ли они?
Сіяетъ-ли въ ихъ утомленномъ взорѣ
Хоть искра отъ костра, что вѣченъ и могучъ,
Шлетъ душамъ страждущимъ, пылая на просторѣ,
Надежды свѣтлый лучъ?
И этотъ станъ, что горе придавило,
Отъ тачки бѣдъ освободится-ль онъ,
Пойдетъ-ли онъ туда, гдѣ мысли сила
Воздвигла славный тронъ?

Окончили они работать на другаго
И вотъ ихъ сторожитъ ужъ сновъ тяжелыхъ рой...
Всѣ эти бѣдняки въ избѣ своей убогой
Мечтаютъ-ли порой?
И слышатъ-ли они въ часы уединенья
Неясный шумъ вѣковъ, смѣняющихъ людей,
Или процессъ таинственный рожденья
Спасительныхъ идей?
И согрѣваетъ-ли ихъ въ тяжкой летаргіи
Любви и братства радостный привѣтъ,
Что въ насъ вселилъ надежды дорогія
Въ зарю грядущихъ лѣтъ?
Извѣстно-ль имъ, въ поту согбеннымъ надъ землею,
Ея движеніе? Рожденная больной,
Признаетъ-ли себя ихъ мысль, борясь съ нуждою,
Частицей міровой?
Въ ихъ сердцѣ сумрачномъ, отрадой не согрѣтомъ,
Теплится-ль вѣра въ золотые дни,
Когда туманъ падетъ предъ яркимъ свѣтомъ?...
Мечтаютъ-ли они?
О, если нѣтъ—пылай костеръ нашъ шире!
Пусть видѣнъ всѣмъ къ нему свободный путь...
Въ объятья братскія притянемъ въ этомъ мірѣ
Къ себѣ народа грудь!

О, если нѣтъ—знамена наши—выше!
Пусть нищій видитъ насъ, борящихся со тьмой,
И пусть призывъ нашъ полный вѣры слышитъ
Въ восходъ зари златой!

* *
*

Въ ясномъ небѣ потонула
Ночи дремлющая мгла.
Легкой свѣжестью пахнуло.
Тѣнь далекая легла
Отъ деревьевъ сонныхъ къ пруду.
Лунный отблескъ серебритъ
Вѣтви зыбкія ракитъ.
Очарованный я буду
Созерцать, какъ неба сводъ
Обнимается съ землею,
Какъ играетъ надо мною
Звѣздъ несмѣтный хороводъ,
Какъ слились въ нѣмомъ покоѣ
Воздухъ, воды и поля...
Умиленный стану я
Съ тихой, смутною тоскою

Слезы теплыя ронять,
И меня природа-мать
Уврачуетъ, какъ больнаго,
Стройнымъ зрѣлищемъ міровъ...
И потонутъ мысль и слово
Въ безмятежномъ царствѣ сновъ...

Волна и берегъ.

Песчаный берегъ неустанно
Цѣлуетъ горькая волна.
Воздушной волей урагана
Вздымаясь, пѣнится она,
И этой пѣной бѣлоснѣжной,
Какъ пеленой, его обвивъ,
Къ нему прильнулъ, ласкаясь нѣжно,
Стихіи ропщущій приливъ.
А онъ простерся безучастно,
Угрюмо грудью желтой легъ,
Нѣмой на этотъ вызовъ страстный
Вокругъ бунтующихъ тревогъ.
Волна скользитъ, волна рыдаетъ
И съ грустнымъ воплемъ исчезаетъ,
На немъ оставивъ много слезъ,
На волю бурь, на волю грозъ.

Мечтатель.

(Памяти Омулевскаго).

1.

Хромаетъ стулъ треногій мой,
Диванъ-же на бокъ повалился...
Поэтъ, мужайся, пѣсню пой,—
Ты высшей мудрости добился!
Пускай къ тебѣ черезъ окно
Зимы несносной вѣетъ стужа,—
Въ твоей душѣ не холодно,
Остроты новыя не туже
Родитъ философъ-голова.
Да... мебель, платье и дрова—
Все вещь хорошая. Недурно
Вотъ также трубку закурить...
Табакъ весь вышелъ. И Сатурна
Ты показатель заложить
Давно успѣлъ... Но вдохновенье

Къ тебѣ слетаетъ и писать
Готовъ ты... лампу зажигать,
Однако, нужно... о, терпѣнье!
Въ ней керосина нѣтъ давно...
Все это вздоръ. Живая шутка
Заглушитъ жалобы желудка.
Искусство, свѣтитъ вѣдь оно
И въ хмуромъ мракѣ ночи! Что-же,
Вѣдь можно пѣть на память тоже,
И міръ привольный облетать
На мысленномъ аэростатѣ,
И въ лучезарныхъ грезахъ спать
Въ своемъ изношенномъ халатѣ!

2.

Ты истрепался, вѣрный другъ!
Давно съ тобой сжились мы оба,
Халатъ мой старый,—и досугъ,
И трудъ, и радости, и злоба—
Всему свидѣтелемъ ты былъ,
Тебя я десять лѣтъ носилъ...
Какъ Беранже, тебѣ скажу я:
„Мы не разстанемся съ тобой!“
Въ тебѣ я жизнь влачилъ, тоскуя,

Въ тебѣ умру, товарищъ мой!
Тяжелый кашель грудь терзаетъ...
Не долго жить мнѣ... сочтены
Поэта дни... онъ умираетъ
Одинъ, безъ близкихъ, безъ жены...
Глаза тихонько я закрою,
Въ тебя покрѣпче завернусь
И сномъ страданья успокою.
Я смерти жала не боюсь.
Когда умру я, приставъ, вѣрно,
Придетъ наслѣдство описать,
И лишь тогда, другъ неизмѣнный,
Тебя начнутъ съ меня снимать.
Мое имѣнье—полка книгъ,
Да ты, товарищъ мой единый.
Все это онъ оцѣнитъ въ мигъ,
И выйдетъ въ суммѣ—шесть съ полтиной!

3.

Съ перомъ въ рукѣ я умираю...
Пусть не блестяще то перо
И имъ я славы не стяжаю,
Пусть даже блѣдно и старо
Нестройныхъ пѣсенъ содержанье,—

Искусство страстно я любилъ,
Ему я все—и трудъ и знанье,
Ему я душу посвятилъ!
Такъ, чуя смерти приближенье,
Глядитъ на золото скупой;
Тяжелый слитокъ въ нетерпѣньи
Лаская слабою рукой,
Богатства груду измѣряетъ
Ревнивымъ глазомъ онъ своимъ
И взоръ навѣки закрываетъ,
Все страстью прежнею томимъ.
Такъ юноша, взявъ руку милой,
Глядитъ съ послѣднею мольбой
Въ ея глаза и надъ могилой
Волнуемъ прежнею тоской;
Черты стараясь дорогія
Окинуть, взоръ въ послѣдній разъ
На нихъ покоится... другія
Ему не нужны въ этотъ часъ.
Такъ въ бѣдной комнатѣ своей
Я часъ послѣдній посвящаю
Тому, что я любилъ сильнѣй
Богатства, женщинъ... Смерть, скорѣй,—
Съ перомъ въ рукѣ я умираю!

* *
*

Кружатся толпою нестройной
Въ головкѣ поникшей твоей
Мечтанья о жизни привольной,
О счастьи младенческихъ дней...
Ты помнишь—зеленой весною
Игру у подножья ракитъ?
Бѣжишь ты, малютка, за мною,
Твой смѣхъ беззаботно звучитъ...
А тѣнь подъ кудрявымъ навѣсомъ
Сирени разцвѣтшихъ вѣтвей?
Вотъ солнце заходитъ за лѣсомъ,
Прощаясь съ просторомъ полей.
Сидишь ты на травкѣ душистой
Съ любимою книгой вдвоемъ;
Слѣдъ думы пытливой и чистой
На личикѣ видѣнъ твоемъ...

Тутъ мыслей полетъ прерываетъ
Звукъ фразы обычно-пустой,—
На вальсъ онъ тебя приглашаетъ.
Ты мчишься. Кругомъ суетой,
Истомой тревожной столицы
Расписаны бальныя лица.
И музыки громъ заглушаетъ
Напѣвы о счастьи былomъ,
И сердце опять засыпаетъ
Тяжелымъ, томительнымъ сномъ...

* * *

Любовь, неси свои дары
И улыбайся лицамъ юнымъ!
Пусть будутъ шумны ихъ пиры,
Пахучи розы, звонки струны!
Пролей небесные лучи
Туда, гдѣ молодость смѣется,
Гдѣ души чисты, горячи,
Гдѣ пѣсня жизни раздается!
Гдѣ вдохновенно блещетъ взоръ
И радость полной грудью дышетъ
И силы рвутся на просторъ,
Тамъ каждый голосъ твой услышитъ.
Шепчи восторженный свой бредъ,
Сближай трепещущія руки,
Изгладь сомнѣнья черный слѣдъ,
Преобразивъ въ блаженство муки!

И ночь-сестру зови съ собой,
И звѣзды тихо разсыпая,
Гостепріимной темнотой
Объятья робкія скрывая,
Счастливцамъ дайте вы вкусить
Отъ чудныхъ нѣгъ земнаго рая,
И, жизнь забывъ, не умирая,
Въ мгновенье вѣчность пережить!

* * *

Спорятъ горы съ облаками,
Поднимаясь надъ землею:
„Кто сравниться можетъ съ нами
Неприступной высотою?“
И окутали вершины
Горъ сѣдыхъ сѣдыя тучи,
Оросивъ собой стремнины,
Оросивъ собою кручи.
А межъ тѣмъ, въ лазури рѣя,
Надъ горою и надъ тучей,
Точкой въ воздухѣ чернѣя,
Свой полетъ орелъ могучій,
Укротивъ, повисъ надъ ними
И съ презрѣніемъ во взорѣ
Водитъ крыльями своими,
Побѣдитель въ гордомъ спорѣ.

Глазъ на землю устремляя,
Онъ не видитъ, какъ высоко,
Рѣдкій воздухъ разсѣкая,
Чуть его доступно оку,
Что-то мѣрно выплываетъ,
Что-то смѣло вдаль несется.
Солнце чудо озаряетъ,
Солнце съ храбрыми смѣется!
То летитъ надъ страшной бездной
Съ лодкой шаръ, а въ лодкѣ люди,
И въ пространствахъ ризы звѣздной
Глубоко ихъ дышутъ груди.
То вознесъ вожатай-разумъ
И безъ крыльевъ человѣка
И его поставилъ разомъ
Выше тучъ, орла, Казбека.
И съ покорною стихіей
Разступились неба своды,
И смутилися впервые,
Чуя силы неземныя,
Дѣти бѣдныя природы.

* *
*

Лучей полдневныхъ ткань живая
Сплелась отъ солнца въ ризу свѣта.
Весна зардѣлась молодая,
Въ ту ризу знойную одѣта.
И на рѣкѣ, на юныхъ нивахъ,
Въ лугу, усѣянномъ цвѣтами,—
Трепещутъ въ яркихъ переливахъ
Тѣ нити неба передъ нами.
А на твоей головкѣ чудной,
Гдѣ въ кудряхъ къ лиліи душистой
Прижался листикъ изумрудный,
Они рисуютъ профиль чистый.
И ты сама—весна живая,
И глазъ твоихъ живыя стрѣлы
Своимъ сіяньемъ гордымъ, смѣлымъ
Вступаютъ въ споръ съ лучами мая!

Поэту.

Не продавай высокихъ вдохновенiй,
Не жди почета, славы, торжества
И знай — идетъ тропой тернистой геній,
Коль мысль его свободна и нова.
Ты вспомни ихъ... велики, неподкупны,
Вожди народа, края своего,
Они возвысили усильемъ совокупнымъ,
Они, мыслители, вели впередъ его...
И что-же?... дни ихъ скорбно закатились
Среди гоненій, злобы, нищеты;
За то на родинѣ роскошно засвѣтились
Ихъ безкорыстныя, безсмертныя мечты.

Изъ почвы такъ весеннею порой
Побѣгъ зеленый тихо выростаетъ,

Могучимъ деревомъ поднявшись надъ землей,
Съ мятежной бурею листвою онъ играетъ,—
А тотъ, чьи руки сѣмя посадили,
Давно истлѣлъ въ заброшенной могилѣ.

Сонетъ.

Люблю я слышать твой веселый, юный смѣхъ,
Слѣдить за легкостью дѣвическихъ движенiй.
Отъ жизни требуя безхитростныхъ утѣхъ,
Ты дышешь нѣгою минутныхъ наслажденiй.

Блеститъ въ глазахъ твоихъ восторгъ любви живой,
Ты раскрываешь ей зовущiя объятья
И грудь твоя полна истомы молодой
Подъ тонкимъ кружевомъ стѣсняющаго платья.

Такъ камень, вкрапленный въ разсѣлинѣ скалы,
Въ морщинахъ жесткiй край къ долинѣ обращаетъ
И видитъ изъ своей унылой полумглы,

Какъ роза съ вѣтеркомъ привѣтливо играетъ
И, медомъ наградивъ исканiя пчелы,
На солнцѣ лепестки, зардѣвшись, распускаетъ.

* *
*

Отъ этихъ новенькихъ крикливыхъ сочиненій,
Гдѣ можно все найти—мудреныя слова
И тонкихъ чувствъ штришки и пошлыхъ вожделѣній
Малевку пряную, но лишь не страсть, не геній,—
Болитъ и кружится, тупѣетъ голова.
Довольно жалкихъ фразъ, длиннѣйшихъ описаній,
Духовной нищеты надутыхъ притязаній!
Вотъ книга старая—какъ свѣжъ сѣдой Шекспиръ...
Тамъ желтый домъ, иль грязь, а здѣсь—здѣсь цѣлый
міръ!

Да выпить-бы вина, не этого настоя,
Въ которомъ краска, спиртъ, искусственный дурманъ;
Нѣтъ, пусть оно сверкнетъ струею золотою
И влагой искристой наполнитъ нашъ стаканъ
Изъ старой въ погребѣ обросшей мхомъ бутылки
И намъ согрѣетъ кровь своей игрою пылкой,
Какъ прояснитъ нашъ мозгъ лучъ мысли вѣковой
Отъ современности бездарной и больной!

———

* * *

Я не способенъ на признанье.
Сомнѣнья червь мѣшаетъ мнѣ
Мою любовь, мои страданья
Повѣрить вамъ. Пусть въ сладкомъ снѣ,
Наединѣ съ самимъ собою
Кого-то я боготворю,
По комъ-то пылкою мечтою
Томлюсь, тоскую и горю;
Пусть чувство то порой всевластно
Разсудокъ побѣждаетъ мой
И говоритъ о немъ порой
Невольный вздохъ, иль взглядъ мой страстный;
Пусть та борьба въ моихъ чертахъ
Меня вамъ выдала случайно
И что отъ васъ таилъ, какъ врагъ,
Для васъ давно уже не тайна;

Пусть вы смѣетесь надо мной,
Въ душѣ, но все-жъ не предо мною,
За то, что я лишь вамъ одной
Готовъ предаться всей душою...
Но не отдамъ я грезъ моихъ,
Стремленій жгучихъ и нѣмыхъ
Открыто вамъ на поруганье,
Я защитить съумѣю ихъ—
И не способенъ на признанье.

Изъ Виктора Гюго.

Горѣ Атласу разъ ревнивые холмы
Сказали: „Посмотри, какъ нарядились мы.
На нашей зелени задумчиво блуждая,
Смѣется дѣвушка, мечтаетъ распѣвая;
Подножью нашему несетъ свой поцѣлуй
Самъ грозный океанъ съ роптаньемъ тихихъ струй!
А видъ вершинъ, гдѣ лѣтнею порою
Такъ искрятся цвѣты подъ плачущей росою!
А ты, гигантъ? Скажи, надъ лысой головой
Зачѣмъ орлы полетъ свершаютъ гордый свой?
И что, какъ вѣтвь гнѣзда, что эта птица вьетъ,
Гранитное плечо и спину тяжко гнетъ?
Зачѣмъ въ бокахъ твоихъ ущелья въ хмурой мглѣ,
И подъ какой стоишь ты вѣчною грозою?

И сколько тамъ морщинъ и снѣгу на челѣ,
На лбу, что незнакомъ съ смѣющейся весною!
Смотри, ты весь въ поту... Скажи, ты чѣмъ томимъ?“
„Я міръ держу“ — Атласъ отвѣтилъ имъ.

Брачная ночь.

Трудно уснуть въ эту ночь безпокойную,
Ночь быстролетную, пряную, знойную,
Полную нѣги и чаръ,
Ночь, что рукою ласкающей, властною
Въ чувства влагаетъ желанія страстныя,
Въ мысли—туманъ и угаръ.

Вѣтеръ качнетъ-ли сиренью цвѣтущею
Или въ лѣсу, подъ березовой кущею
Звучно вздохнетъ соловей,—
Все: дуновенье и сумракъ, и пѣніе
Въ смутный слилося призывъ къ наслажденію
Этихъ безумныхъ ночей.

Звѣзды и тѣ все сильнѣй разгораются,
Словно серебрянымъ взоромъ пытаются
Тайны проникнуть земли;

Словно очей ихъ рѣсницы небесныя,
Длинныя тѣни изъ безднъ безтѣлесныя
Жадно на землю легли.

Тихо она, какъ невѣста стыдливая,
Пологомъ ночи прикрывшись, счастливая,
Вся лишь любовью живетъ,
Дышетъ цвѣтами, росой омывается,
Блещущимъ звѣзднымъ огнемъ раздражается,
Небо въ объятья зоветъ.

Въ ночи такія, о души влюбленныя,
Души блаженныя, души безсонныя,
Пейте сліянья эѳиръ,—
Съ вами земля новымъ бракомъ вѣнчается
И надъ землею съ любовью склоняется
Звѣздный сіяющій міръ.

* *
*

Всю жизнь съ стихіей дубъ могучій
Велъ горделивый, страстный споръ.
Когда окутывали тучи
Его родной великій боръ
И буря грозно бушевала
И, дикимъ звѣремъ разъярясь,
На лѣсъ шумящій налетала
И, сѣя смерть, впередъ неслась,
Деревья гнулись и скрипѣли,
Не мало сосенъ, стройныхъ елей,
Березъ кудрявыхъ и осинъ
Предъ ней безсильно въ прахъ ложилось,
Со стономъ на землю валилось,—
Лишь не сдавался онъ одинъ.
Привыкъ онъ вѣдаться съ громами,
Въ борьбѣ онъ крѣпъ, царемъ глядѣлъ

И послѣ спора съ небесами
Еще свѣжѣе зеленѣлъ.
И какъ ни силилась стихія,
Все не могла его сломить.
Но въ гнѣвѣ яростномъ другіе
Нашла пути его сгубить.
Однажды, въ натискъ урагана,
Когда борьбу онъ стойко велъ,
Съ несокрушимостью титана
И стонъ въ лѣсу зловѣщій шелъ,
Гроза вверху захохотала,
Излила ненависть свою,
Послала молнію-змѣю;
Съ сѣдыхъ небесъ она ушала
И дубу гибель принесла;
Она въ чело его сразила
И сверху до низу прошла,
И всѣ въ немъ соки отравила,
И всю въ немъ внутренность сожгла.
Но онъ стоитъ на мѣстѣ бранномъ,
Онъ и сраженный также прямъ,
Недвижнымъ, мертвымъ великаномъ
Бросаетъ вызовъ небесамъ.

* * *

Я-бъ увелъ тебя далеко,
Я-бъ туда тебя увелъ,
Гдѣ склонился тихій долъ
Къ глади свѣтлаго потока,
Гдѣ-бъ почудились въ струяхъ
Намъ русалокъ плескъ и пѣнье,
Гдѣ прохлады дуновенье
Вѣетъ въ скошеныхъ лугахъ!

Я-бъ увелъ тебя далеко
И привелъ тебя туда,
Гдѣ сквозь зелень одиноко
Свѣтитъ робкая звѣзда,
Гдѣ одна въ бору сосновомъ
Низко вѣтви клонитъ ель
И изъ мховъ подъ ней готова
Ароматная постель!

Я-бъ увелъ тебя далеко,
Я-бъ туда привелъ тебя,
Гдѣ съ тобою свѣтлоокой
Обнялись-бы мы, любя,
Гдѣ природа-бъ насъ вѣнчала,
Гдѣ-бы ты, внимая ей,
Мнѣ то чувство отдавала,
Что таила отъ людей!

Хоръ егерей.

(Изъ Бьорнсона).

Влагой утра степь дымитъ,
Степь дымитъ.
Легче вѣтра конь летитъ,
Конь летитъ.

Тихо шепчетъ темный боръ,
Темный боръ.
Рогъ тревожитъ эхо горъ,
Эхо горъ.

Королева, соколъ твой,
Соколъ твой
Взвился съ цѣпи ввысь стрѣлой,
Ввысь стрѣлой!

Мчаться въ полѣ егерь радъ,
Егерь радъ.
Дальше! Смѣлымъ нѣтъ преградъ,
Нѣтъ преградъ!

Весной.

Умывается утро росою,
Жгучій полдень лучами богатъ;
Надѣваетъ весна предъ тобою
Испещренный цвѣтами нарядъ.
Зарождаются блѣдныя зори,
Разгораются яркіе дни,
И въ твоемъ отуманенномъ взорѣ
Отражаются тоже они.
И ручей по камнямъ округленнымъ
Ужь шумитъ пробужденной волной,
И лепечутъ лѣса полусонно
Въ тепломъ воздухѣ новой листвой.
Сколько звуковъ въ ликующемъ хорѣ,
Въ жизнерадостномъ хорѣ слились
И теряются въ синемъ просторѣ,
Улетая въ прозрачную высь!

И такое на сердцѣ томленье,
Такъ дрожитъ и трепещетъ оно,
Такъ въ пылу молодаго стремленья
Непонятныхъ порывовъ полно,—
Что заплакалъ-бы съ свѣжей волною,
Засмѣялся-бъ съ горячимъ лучемъ
И поспорилъ-бы пѣснью живою
Съ вдохновеннымъ пѣвцомъ-соловьемъ!

* * *

Тоскуя, приникъ я къ тебѣ головой
И слышалъ, какъ сердце твое трепетало.
И въ эти минуты, мой другъ дорогой,
Любовь къ намъ въ раскрытыя души слетала.
То былъ незабвенный и сладостный часъ,—
Какъ будто какой-то божественный геній
Повѣялъ внезапно и тихо на насъ
Широкой волною безсмертныхъ томленій.
Заискрились взоры, сомкнулись уста,
Невольно слились мы въ безумномъ объятьи...
Въ тотъ мигъ ты была мнѣ родна и свята,
Въ тотъ мигъ за тебя жизнь готовъ былъ отдать я!
Ты помнишь, какъ мракъ насъ окуталъ нѣмой,
Ты помнишь, какъ небо звѣздами дрожало,
Какъ майская ночь насъ своею фатой,
Блаженная ночь, отъ людей укрывала?!

Въ дыханьи цвѣтовъ и въ дыханьи твоемъ
Меня и весна и любовь опьяняли...
Цвѣты намъ шептали о чувствѣ земномъ,
О чувствѣ небесномъ намъ звѣзды шептали!

На могилу Надсона.

Какъ мало прожито—какъ много пережито!

Надсонъ.

Невысказанныхъ думъ и недопѣтыхъ пѣсенъ
Ты много въ гробъ унесъ, нашъ дорогой поэтъ...
Для чистыхъ душъ порой такъ безпріютно-тѣсенъ,
Такъ мрачно-холоденъ бездушный этотъ свѣтъ!
Ты успокоился, невѣдавшій покоя,
Предсмертный стонъ прервалъ твой вдохновенный стихъ,
Дышавшій страстною, „пророческой тоскою“—
И порванной струны послѣдній звукъ затихъ...
Твоя могила тамъ, среди другихъ подобныхъ,
Гнетущихъ нашу мысль безвременныхъ могилъ,
Гдѣ длинный, длинный рядъ холмовъ и плитъ
надгробныхъ
Собою столько силъ великихъ придавилъ!
Судьба избранника такъ скоро наградила
И ранней славою и раннимъ-же крестомъ,

Но клевета и этотъ крестъ опередила
И только-что не обвилась на немъ!
Теперь она молчитъ: змѣи тупѣетъ жало,
Когда ей смерть даетъ безмолвный свой отвѣтъ,
Когда онъ мертвъ лежитъ съ своею грудью впалой,
Страдавшій много, жившій слишкомъ мало—
Нашъ незабвенный юноша-поэтъ!..

1887.

Сердце.

О, сердце! струнъ твоихъ не счесть,
Твоихъ желаній не измѣрить!
Въ тебѣ всегда стремленье есть
Любить и пѣть, дрожать и вѣрить.
И гимнъ небесъ и стонъ земли
Въ тебѣ въ созвучьи мощномъ слиты.
Звѣзда, рожденная въ пыли,
Цвѣтокъ, росою слезъ омытый,
Весь вѣкъ надѣясь и томясь,
На что, скажи, не отзовешься,
Пока, теряя съ жизнью связь,
Предсмертнымъ воплемъ разразясь,
Ты, эхо міра, разобьешься?!

Къ картинѣ Рѣпина.

Запятнанъ кровью Іоаннъ...
Она на лбу его застыла
И сына парчевой кафтанъ
И мрачный терекъ обагрила.

Зажавъ рукой дрожащей рану,
Другой онъ сына обхватилъ
И взоръ ужасный, дикій, странный
Въ пространство тупо устремилъ.

Что въ этомъ взорѣ отразилось?
То изумленье, иль испугъ,
Иль сердце каменное вдругъ
Любовью позднею забилось?...

А въ жертвѣ жизнь еще слегка,
Въ послѣднемъ содроганьи длится,
И съ неподвижнаго зрачка
Слеза предсмертная катится.

Южный романсъ.

Омытъ кинжалъ горячей кровью!
Мы вмѣстѣ тѣло унесли.
Намъ не успѣлъ мигнуть онъ бровью,
Онъ, новый гость сырой земли...
Его мы тайно схоронили
Тамъ за оградой въ поздній часъ...
Мы оба, знай, его убили
И помни—кровь связала насъ!

Омытъ кинжалъ горячей кровью!
Мы, помнишь, вмѣстѣ подошли,
Подкрались тихо къ изголовью...
Твои, вѣдь, рѣчи разожгли
Во мнѣ огонь безумной мести!
Я поднялъ руку... свѣтъ погасъ...
Да, мы его убили вмѣстѣ
И эта кровь связала насъ!

Омытъ кинжалъ горячей кровью!
Въ тотъ вечеръ, помню, мужъ смотрѣлъ
Въ твои глаза съ такой любовью,
Я этихъ взглядовъ не стерпѣлъ!
О, обними меня сильнѣе,—
Недолго счастье, мы, какъ разъ,
Пойдемъ въ тюрьму... цѣлуй страстнѣе
И помни—кровь связала насъ!

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Въ альбомъ.

Мой стихъ случайный, стихъ небрежный
Все-жъ остановитъ взоръ вашъ нѣжный.
Вы улыбнетесь, можетъ быть,
Своей задумчивой улыбкой,
Когда вотъ здѣсь рукою гибкой
Альбомъ придется вамъ открыть
И тихо пальцами своими
Прикрыть мое, быть можетъ, имя...
Желалъ-бы я, чтобъ въ этотъ мигъ
Вашъ чудный взоръ въ меня проникъ,
Чтобъ, съ вами устранивъ разлуку,
Я могъ былое воскресить
И могъ васъ видѣть и любить,
И чтобъ на сердцѣ ощутить
Я съ дрожью могъ вотъ эту руку...

---

* * *

На старой березѣ, въ тѣни порѣдѣвшихъ вѣтвей
Весеннюю пѣсню, тоскуя, запѣлъ соловей.
Заслушались звѣзды тѣхъ звуковъ съ нѣмой вышины,
А ночь развѣвала вокругъ безконечные сны.
Притихла береза, уныло поникли листы...
О чемъ-же, старушка, такъ грустно задумалась ты
И стонешь чуть слышно надтреснутой темной корой?
Иль вспомнила годы, когда ты была молодой,
И, станъ бѣлоснѣжный вздымая къ роднымъ небесамъ,
Кудрявая, волю давала весеннимъ слезамъ,
И вторила пѣснямъ другаго пѣвца-соловья,
Колеблема вѣтромъ, густая вершина твоя?

На открытіе Закаспійской дороги.

Изъ неизвѣстныхъ, дальнихъ странъ,
Путемъ Аттилы и Батыя,
Пришелъ на западъ Тамерланъ—
И вновь разгромлена Россія.
Какъ геній зла, угрюмъ и гордъ,
Творилъ онъ дѣло разрушенья
И тяжкій слѣдъ несмѣтныхъ ордъ
Былъ только стонъ и запустѣнье.
Омывши ненависти пылъ
Въ крови славянскаго народа,
Свой дикій путь остановилъ
Свирѣпыхъ полчищъ воевода,
И какъ зловѣщій, страшный сонъ,
Исчадье темнаго Востока,
Ушелъ назадъ и скрылся онъ,
Посѣявъ смерть и мракъ глубокій.

И тамъ, среди сухихъ песковъ,
Тамъ, за долиной Заравшана
Онъ успокоилъ духъ свой бранный,
А съ нимъ почилъ и духъ отцовъ.
Осѣли буйныя дружины
Среди невѣдомыхъ степей,
Утративъ мощь и нравъ старинный,
Воздвигли пышный мавзолей
Онѣ суровому владыкѣ.
Остатки расы полудикой
Смѣшались съ племенемъ инымъ
И въ городахъ сроднились съ нимъ,
Но часть привычкамъ кочевымъ
Не измѣнила и донынѣ
Вѣрна осталася пустынѣ.
Востокъ все болѣ засыпалъ.
Потухшій свѣточъ Согдіаны
Ужь этотъ міръ не озарялъ,
На всѣ сосѣднія съ ней страны
Мракъ закоснѣнія упалъ.

Отъ ига тяжкаго Россія,
Межъ тѣмъ, вполнѣ освободясь,
И поднялась и разрослась.

Настали времена другія.
Она тянулась на востокъ,
Татаръ, киргизовъ охватила,
Неудержимо, какъ потокъ,
Въ предѣлы Азіи вступила,
Проникла въ глубь аральскихъ странъ
И покорила Туркестанъ.
Теперь ужь Русь монголамъ мстила:
Она несла съ собою свѣтъ
И чрезъ пески желѣзный слѣдъ
До Самарканда проложила.
И самъ туркменъ набѣгъ забылъ,
Забылъ вчерашніе разбои
И потомъ землю онъ смочилъ,
Работой съ русскимъ закрѣпилъ
Онъ дѣло русскаго героя.
И духъ вражды теперь уснулъ—
Солдатъ номаду протянулъ
Свою мозолистую руку,
И вотъ, повѣялъ духъ иной
Надъ оживленною страной,
Тотъ духъ, что миръ, прогрессъ, науку
Съ собой теперь уже несетъ
И племена ея зоветъ

Подъ сѣнь гражданственныхъ законовъ,
Въ семью народовъ просвѣщенныхъ.

И передъ огненнымъ конемъ
Корабль пустыни преклонился,
А тотъ въ просторѣ голубомъ
Нѣмой равнины проносился,
Все дальше, дальше уходилъ,
Проникъ онъ въ Азію глубоко
И въ сердцѣ древняго Востока
Свой славный путь остановилъ,—
Въ долинѣ свѣтлой Заравшана,
Передъ гробницей Тамерлана.

* *
*

Она коснулася рояли
Своею бѣглою рукой—
И полились и зарыдали
Шопена звуки въ мглѣ ночной.
Ноктюрнъ мечтательный и страстный,
Его глубокая печаль,
Призывъ тревожный и напрасный...
И мыслью я унесся вдаль
И весь я замеръ въ сладкой мукѣ...
И вспомнилъ я... давно, давно...
Такую-жъ ночь, такіе-жъ звуки
И растворенное окно
И лунный свѣтъ... другія руки,
Не то лицо, не та рояль,
Другая женщина играла...
И такъ былаго стало жаль,

Такъ юныхъ дней мнѣ жалко стало,
Какъ будто—то любовь моя
Подъ стонъ ноктюрна воскресала...
И зарыдать готовъ былъ я,
Какъ въ мглѣ ночной рояль рыдала!

Тройка.

Зимній вечеръ тихо спитъ
Въ мглѣ морознаго тумана.
Полный мѣсяцъ вышелъ рано
И безбрежную поляну
Мутнымъ блескомъ серебритъ.

По дорогѣ бѣлоснѣжной
Легокъ бѣгъ родныхъ саней.
Мы вдвоемъ укрылись съ ней
И, безъ словъ, она сильнѣй
Вся ко мнѣ прижалась нѣжно.

Отъ дыханья устъ нѣмыхъ
На мѣху садится иней.
Свѣтъ луны струится синій
Надъ унылою пустыней,
Полной призраковъ сѣдыхъ.

Все въ природѣ омертвѣлой
Словно жертву сторожитъ.
Колокольчикъ дребезжитъ,
Тройка весело бѣжитъ,
По сугробамъ мчится смѣло.

Словно смерть нашъ путь слѣдитъ
Надъ застывшими полями
Леденящими глазами;
Съ нами-жъ жизнь и юность съ нами
Все впередъ, все въ даль летитъ!

---

* * *

Я ночью лѣтнею зашелъ въ тѣнистый лѣсъ.
Чуть слышно тихое дыханье исполина.
А тамъ, надъ головой—таинственный навѣсъ
Вѣтвей и блѣдныхъ звѣздъ въ сплетеніи картинномъ...
Дышать и созерцать... какъ встарь, отдаться вновь
Божественной тоскѣ неясныхъ ожиданій...
И на сердце опять накинула любовь
Томительную сѣть блаженства и страданій!
Меня волнуетъ все... и шепотъ вѣтерка,
И смутный блескъ росы, и эти переливы
Лучей трепещущихъ луны... моя рука
Какой-то листъ дрожащій рветъ нетерпѣливо...
И вотъ, знакомый образъ рѣетъ въ тишинѣ...
Онъ смотритъ на меня въ бѣлѣющей одеждѣ
Изъ сонныхъ купъ березъ, смѣется, стройный, мнѣ
Вездѣ—съ земли, съ небесъ... и вѣрю я, какъ прежде,

Желанной близости души твоей родной...
А млѣющая высь простерлась надо мной
Лазурно-искристой, воздушной пеленою,
И, умирая, льетъ свой ароматъ ночной
Цвѣтокъ, раздавленный разсѣянной ногою...

* * *

О, мигъ возвращенья къ забытымъ мѣстамъ,
Гдѣ прежде любилось и вѣрилось намъ,
Гдѣ первыя слезы блестѣли,
Гдѣ первыя струны звенѣли!

Хоть сердце сожмется при видѣ могилъ
Надеждъ измѣнившихъ, утраченныхъ силъ,
Но ихъ мы, вѣдь, здѣсь почерпали,
Вѣдь въ жизнь мы отсюда вступали!

Пусть насъ обманули тѣ гордые сны,
Пусть осень сгубила ихъ, розы весны,
Но ими мы здѣсь упивались
И здѣсь красотѣ поклонялись!

И вотъ, оживилась усталая грудь,
Забытъ многотрудный, нерадостный путь

И сами склонились колѣни
На стараго храма ступени,

Гдѣ вѣетъ со сводовъ прошедшаго духъ,
Гдѣ въ сладостныхъ звукахъ, чарующихъ слухъ,
Приноситъ намъ слово прощенья
Тѣней примиренное пѣнье!

* * *

Вперивъ въ картину взоръ влюбленный,
Предъ красотою обнаженной
Въ нѣмомъ восторгѣ ты застылъ
И въ этотъ мигъ весь міръ забылъ.
Венера смотритъ, словно дышетъ,
Но все-жъ моленій не услышитъ.
Когда-то, пылкая, она
Съ высотъ на землю нисходила
И съ смертнымъ страсть свою дѣлила,
Желаній дѣвственныхъ полна.
Но овладѣть богиней этой,
Ее совлечь съ Олимпа внизъ
Онъ только могъ, красавецъ свѣтлый,
Богоподобный Адонисъ.
Оставь мечту, художникъ бѣдный,—
Она тебя не вдохновитъ,

И подъ твоею кистью блѣдной
Богиня насъ не посѣтитъ.
Писать безсмертныхъ—нуженъ геній,
Огонь безсмертныхъ вдохновеній;
Ему огонь былъ этотъ данъ—
И далъ Венеру Тиціанъ.

* * *

Я вспомнилъ тебя и дрожащей рукою
Открылъ пожелтѣвшій, старинный альбомъ...
И вижу тебя, какъ тогда, молодою,
Какою осталась ты въ сердцѣ моемъ...
И грусть о минувшемъ въ мой умъ одинокій
Запала невольно, проникла глубоко
И въ сердцѣ сильнѣй отозвалась больномъ...
И падаютъ слезы на старый альбомъ...
Тревожная юность встаетъ предо мною,
Встаетъ отдаленнымъ, умчавшимся сномъ...
Я вижу тебя, какъ тогда, молодою,
Какою осталась ты въ сердцѣ моемъ!
И счастье любви и мечты золотыя,
Все то, что когда-то, такъ чудно впервые
Я въ сердцѣ разцвѣтшемъ своемъ ощутилъ
И вмѣстѣ съ тобою въ томъ сердцѣ носилъ,—

Все это ушло, безвозвратно промчалось,
Погибло безслѣдно... и только осталась
Лишь прошлаго тѣнь—этотъ образъ нѣмой,
Отъ времени блѣдный, какъ призракъ родной.
И жадно впиваясь въ черты дорогія,
Я вспомнилъ и взоръ твой, и рѣчи живыя,
И весь погрузился въ печаль о быломъ...
И падаютъ слезы на старый альбомъ...

* * *

(Анатолію Морозову).

Да, ты въ краяхъ теперь иныхъ,
Гдѣ прямо въ небо смотрятъ горы,
Гдѣ на вершинахъ гордыхъ ихъ
Такъ любо успокоить взоры;
Въ странѣ, гдѣ „Демона“ творецъ
Носилъ въ изгнаньи скорбь поэта
И ранній встрѣтилъ свой конецъ,
Гдѣ пѣсня лебедя имъ спѣта...
Скажи, все то-же-ль небо тамъ?
Туманы тѣ-же, тѣ-же грозы?
По горнымъ склонамъ и кустамъ
Все также вьются змѣи-лозы
И кисти гроздъ ихъ по бокамъ
Висятъ, какъ бахусовы слезы?
Все также строгъ старикъ Бешту,
Дурачливъ и шумливъ Подкумокъ?
Вѣдь наизусть картину ту

Мы знаемъ всѣ—со школьныхъ сумокъ!
Ты слышалъ арбъ тяжелый скрипъ,
Видалъ ауловъ дымныхъ сакли,
Все также важенъ горца типъ
И все по прежнему, не такъ-ли?
Весь этотъ край, все тотъ-же-ль онъ,
Вошедшій въ русскіе предѣлы?
Иль стихъ зурны восточный звонъ,
Исчезли тѣни Зары, Бэлы?
Коль такъ, то надо поспѣшить
Въ страну Арагвы и Казбека,
Пока въ ней можно позабыть
Съ природой боль за человѣка.
Такъ перешли-же мой привѣтъ
Туда, на полдень, за хребетъ,
Въ тотъ край таинственный и дальній,
Двумъ сестрамъ: „Грузіи печальной“
И ей—„Колхидѣ золотой“,
И этимъ стражамъ, что грядой,
Подобно львамъ окаменѣлымъ,
Хранятъ красавицъ тѣхъ покой,
Привѣтъ вершинамъ этимъ бѣлымъ,
Давно я къ нимъ стремлюсь душой!

* * *

Давно тебя земля нѣмая
Взяла отъ насъ.
Твой кроткій взоръ давно, родная,
Навѣкъ угасъ.
Но, незабвенная, ты съ нами,
Ты въ насъ живешь,
И только съ нашими сердцами
И ты умрешь.
Всю жизнь, всю душу ты вложила
Въ своихъ дѣтей,
Ихъ смерть твоя не разлучила
Съ душой твоей.
И за холодною могилой
Любовь живетъ,
И свѣтитъ намъ съ нетлѣнной силой,
Намъ миръ несетъ.

И какъ бы жизнь ни раздѣлила
Дѣтей твоихъ,—
Твоя священная могила
Сближаетъ ихъ.

* *
*

Я не нарушу въ часъ ночной,
Я не спугну твоихъ мечтаній;
Крылатый міръ твоихъ желаній—
Пусть онъ витаетъ надъ тобой.
Лепечутъ липы полусонно,
Прохладной мглой окутанъ садъ.
Сегодня небо такъ бездонно,
Цвѣтовъ такъ душенъ ароматъ!
Отдавшись нѣгѣ ожиданья,
Ты вся ушла въ нѣмую даль.
Пришла-ль сюда ты на свиданье?
О, нѣтъ, не думаю, едва-ль.
Почти дитя, ты врядъ-ли знаешь,
О чемъ томитъ тебя печаль,
Кого ты смутно призываешь,
Кого тебѣ такъ страстно жаль.

Твоя душа еще впервые
Тревогой женщины живетъ,
И тихо грезы золотыя
Одной лишь ночи отдаетъ.
Она одна тебя ласкаетъ
И сыплетъ звѣзды безъ конца,
И такъ заботливо свѣваетъ
Слезинку съ юнаго лица.
Она полна благоуханій,
Полна поэзіи святой,
Какъ этотъ нѣжный вздохъ твой ранній,
Что я подслушалъ въ тьмѣ ночной...
Но я уйду, Господь съ тобой,
Я не спугну твоихъ мечтаній!

* *
*

Онъ хоронилъ ее безъ слезъ,
Свою непризнанную музу.
Мигъ отрезвленія принесъ
Конецъ безплодному союзу.
Одинъ увянувшій вѣнокъ
Изъ грезъ-цвѣтовъ весны погибшей
На этотъ прахъ онъ бросить могъ,
На прахъ подруги измѣнившей.
И въ этотъ часъ, когда она,
Лучей богини лишена,
На ложѣ нищаго лежала,
Въ послѣдній разъ, тоски полна,
Порвавшись, лучшая струна
На бѣдной лирѣ прозвучала.

* * *

Ты вся—любовь и упоенье,
Ты вся—восторгъ и красота,
Осуществленная мечта,
Привороженное видѣнье!
Бездонный взглядъ твоихъ очей,
Улыбка устъ и шепотъ страстный...
Ты чудный бредъ, ты сонъ прекрасный,
Созданье трепетныхъ ночей!
Предавшись нѣгѣ наслажденья,
Въ порывѣ страсти все забывъ,—
Ты образъ рая, вдохновенье,
Ты счастья полнаго призывъ!
Въ тебѣ такъ дивно освятилось
Земныхъ стремленій торжество,
Что, мнится, это—божество
Въ тебѣ живетъ и отразилось.

И небо свѣтится въ глазахъ,
Но отъ земли не отрѣшаетъ,
И тотъ дрожитъ въ его лучахъ,
Кто нѣжный станъ твой обнимаетъ!

* * *

Все тихо здѣсь... Не бьютъ фонтаны,
Недвиженъ статуй стройныхъ рядъ,
И только липы, да каштаны
О чемъ-то смутномъ говорятъ.
Дворецъ, угрюмымъ великаномъ,
Какъ будто дремлетъ въ снѣ туманномъ,
И молчаливый Тріанонъ
Въ мечты о прошломъ погруженъ.
На всемъ печать уединенья,
Окаменѣвшей красоты,
И грустью вѣютъ въ запустѣньи
Аллеи, воды и цвѣты...

Версаль, 20 іюля 1889.

* * *

(Н. И. Тимофѣеву).

———

Я прочиталъ стихи свои,
Что посвятилъ тебѣ когда-то—
О пѣснѣ, истинѣ, любви...
О, юность! не мирясь съ утратой
Того, что вдаль манило насъ,
Ты слишкомъ много обѣщала,
И изъ цвѣтовъ твоихъ увяло
Такъ много въ трудный жизни часъ!
Гдѣ это вѣющее знамя,
Гдѣ этотъ радостный призывъ
И страсти дѣвственное пламя,
И силы трепетный порывъ?
Но все-жъ осталась искра свѣта
Въ душѣ, не мертвой для добра.
Такъ пусть не гаснетъ искра эта!
Настала зрѣлая пора...

Пусть въ эти дни мое посланье
Въ душѣ отзывчивой твоей
Пробудитъ, другъ, воспоминанья
Иныхъ, ушедшихъ, лучшихъ дней!

Пѣсенка.

(Изъ Виктора Гюго).

Разсвѣтъ къ тебѣ стучится въ дверь.
Зачѣмъ, красавица, дремать?
Проснулась роза, такъ повѣрь,
Что и тебѣ пора вставать.

Мой другъ прелестный,
Тебѣ принесъ
Влюбленный пѣсни
И ропотъ слезъ!

Тебя будить пришли мы вновь:
„Я свѣтлый день!“ твердитъ заря,
Пернатыхъ хоръ — „созвучье я!“
Мое-же сердце — „я любовь!“

Мой другъ прелестный,
Тебѣ принесъ
Влюбленный пѣсни
И ропотъ слезъ!

Тебя, какъ женщину, люблю,
Тебя, какъ ангела, молю...
Любовь живетъ твоей душой,
А взоръ — твоею красотой.

Мой другъ прелестный,
Тебѣ принесъ
Влюбленный пѣсни
И ропотъ слезъ!

Мечтатели и скептикъ.

Скептикъ:

Зачѣмъ явились вы съ своею думой чистой
На этотъ пиръ рабовъ,—со вкусами артиста,
Съ осанкой свѣтлою открытаго лица,
Съ рукою твердою безстрашнаго бойца?
Я знаю, васъ ведетъ любовь къ заблудшимъ братьямъ,
И вы открыли имъ сердечныя объятья,
Вы имъ довѣрили завѣтныя мечты
Свободы, истины, добра и красоты.
И вотъ, вамъ кажется, что сбросивъ иго рабства,
Толпа откликнется на призывъ правды, братства,
И цѣпи сокрушивъ, забывши грязь, порокъ,
Возложитъ на главу лавровый вамъ вѣнокъ.
О, нѣтъ, повѣрьте мнѣ, мечтатели пустые,
Что недоступны ей тѣ помыслы святые,

И васъ передъ ея опошленнымъ лицомъ
Навѣрно наградятъ терновымъ ужь вѣнцомъ.

Мечтатели:

А помнишь ты Христа? Вѣнецъ его терновый
Народы пробудилъ изъ тьмы для жизни новой.

* *
*

О, пусть меня не любишь ты,
Терзаешь дружбою своею,—
Я не хочу и не умѣю
Свои безумныя мечты
Смирить разсудка силой строгой.
Пусть ты, какъ мраморъ, холодна,
Пусть ты идешь своей дорогой,
Идешь съ другимъ, идешь одна,
Пусть никогда не отзовется
На мой тоскующій призывъ
Твоя душа... все, все забывъ,
Тобой одною сердце бьется!
Какъ часто, съ бѣшенствомъ глухимъ,
Я вижу ясно, что меня ты
Не любишь вовсе, и однимъ
Желаньемъ пламеннымъ объятый,

Тебя готовъ я проклинать,
Но твой приходъ благословляю,
Приговоренъ тобой страдать,
Съ тобою только оживаю,
И взоръ, и рѣчь твою ловлю,
И въ сладкой пыткѣ изнывая,
Въ тебѣ такъ трепетно люблю
Свой сонъ несбыточнаго рая!

Два народа.

Надменный Римъ сказалъ красавицѣ Элладѣ:
„Я покорилъ весь міръ съ семи своихъ холмовъ.
Ты видишь и своихъ потомковъ въ робкомъ стадѣ
Моихъ безчисленныхъ униженныхъ рабовъ?
Теперь-же воину веселый отдыхъ нуженъ.
Смотри, въ колоннахъ залъ для празднества готовъ.
Изъ этихъ женъ у каждой болѣе жемчужинъ,
Чѣмъ у морей твоихъ—зеленыхъ острововъ.
Какъ разноцвѣтныя на нихъ сверкаютъ слезы—
И нѣжный аметистъ, и яхонтъ, и рубинъ.
Тамъ съ пѣной пряною разлитыхъ въ чашахъ винъ
Смѣшали запахъ свой разбросанныя розы.
Вотъ въ тогѣ пурпурной, откинувъ грозный мечъ,
Сидитъ любимый вождь желѣзныхъ легіоновъ,
А дальше—въ золото разубранныхъ до плечъ,
Ряды сенаторовъ, ревнителей законовъ...

Стихаетъ въ воздухѣ несдержанная рѣчь,
И блюда рѣдкихъ яствъ разносятся собранью.
Оно пресыщено и требуетъ пѣвцовъ,
Соскучилось оно въ безплодномъ ожиданьи
Услышать звуки лиръ и сказки мудрецовъ.
И я зову тебя, усопшая, воскресни!
Иди сюда ко мнѣ на этотъ тронъ боговъ,
Повѣдай намъ свои божественныя пѣсни
И изрѣченія умнѣйшихъ изъ сыновъ!“

Изъ гроба такъ ему Эллада отвѣчала:
„Оставь меня и мой глубокій, вѣчный сонъ,
Творенья-же дѣтей я міру завѣщала,
Ихъ можешь взять, когда тебѣ подвластенъ онъ.
Попробуй, научи солдатъ своихъ суровыхъ
Наслѣдію моихъ великихъ похоронъ,
И міръ забудется подъ хоры гимновъ новыхъ.“

Но тщетно силился самъ царственный Неронъ
Перебирать рукой кровавой струны лиры
Средь оргій бѣшеныхъ разнузданнаго пира,
И со стыдомъ отъ этихъ чуждыхъ ей друзей
Бѣжала въ страхѣ мысль Гомера и Сократа,
Когда рычаньемъ львовъ ей вторилъ Колизей,

И геній не рожденъ объятьями разврата.
Напрасно новые латинскіе пѣвцы
Старались щеголять въ одеждѣ древней грека,
Напрасно черствые пытались мудрецы
Понять природы жизнь и душу человѣка.
Тамъ, гдѣ безумствовалъ, какъ звѣрь, Геліогабалъ,
Не видѣнъ славный сонмъ сподвижниковъ Перикла,
И муза, какъ цвѣтокъ безъ влаги, тамъ поникла,
И молча Римъ дряхлѣлъ и гнилъ, и погибалъ.

* * *

Будь, что будетъ! Не думай, забудься на мигъ,
Этотъ мигъ,—онъ, вѣдь, счастьемъ зовется!...
Голосъ разума стихъ,
Сердце съ сердцемъ томительно бьется!
Ты склонилась ко мнѣ... Поцѣлуй, обними,
Что тутъ думать, къ чему тутъ сомнѣнья?
Все забудь, все отдай, всѣ покровы сними,
Все возможно въ минуту забвенья!
Страсть за страсть! Дай повѣрить безумнымъ глазамъ,
Дай смущеньемъ твоимъ насладиться,
Дай дыханье твое ненасытнымъ устамъ,
Дай въ объятьяхъ съ тобою мнѣ слиться!
Ты закрыла глаза... Защищаясь едва,
Отдаешься на зовъ наслажденья,
Какъ въ бреду, повторяя мои же слова:
„Все возможно въ минуту забвенья!“

---

* * *

Тоскливую пѣсню затянетъ-ли горе,
Стучится-ли въ двери твои нищета,—
Борись, человѣкъ! и съ невзгодою споря,
Спасетъ тебя гордой души красота!

Пусть злаго ненастья угрюмыя тучи
На твой омраченный летятъ небосклонъ,—
Встрѣчай ихъ безтрепетно грудью могучей,
Дави въ себѣ слабости рвущійся стонъ.

Прекрасенъ, какъ твердый утесъ подъ напоромъ
Вокругъ расходившихся грозныхъ валовъ,
Ты все поразишь этимъ пламеннымъ споромъ,
Бросая свой вызовъ закону міровъ.

И вотъ,—покорится нѣмая стихія
Тебѣ и слѣпая склонится судьба

Предъ духомъ-героемъ, и силы глухія
Служить тебѣ будутъ. Въ тебѣ изъ раба

Возстанетъ царь мощный бездушной природы,
Ты будешь побѣдно, сознательно жить,
Когда ты достигнешь труднѣйшей свободы—
Съумѣешь надъ собственной скорбью царить!

Сосна и поток.

У водъ мятежнаго потока
Растетъ красавица-сосна.
Всегда взволнованъ онъ глубоко,
Спокойна, стройная, она.

Онъ вѣчно ропщетъ, страсти полный,
Все ближе подступаютъ къ ней
Его бушующія волны,
И онъ взываетъ все страстнѣй:

„О, упади въ мои объятья!
Тебя давно, давно я жду,
Тебя, повѣрь, съумѣю взять я,
И отъ тебя не отойду!“

Она-же, стройная, какъ прежде,
Не внемлетъ низменнымъ волнамъ

И въ вѣчно праздничной одеждѣ
Стремится выше, къ небесамъ.

Но воля бурнаго потока
И неотступна и сильна...
Всегда взволнованъ онъ глубоко...
И вотъ—склонилася сосна.

Подножье онъ ея лобзаетъ
Все съ тѣмъ-же ропотомъ своимъ,
Все ближе, ближе онъ склоняетъ
Ее къ объятьямъ роковымъ.

И какъ-то въ ночь она упала,
Побѣждена въ борьбѣ глухой,
И въ этотъ часъ она стонала,
А онъ—нахлынувшей волной

Обнялъ ее и горделиво
Увлекъ красавицу съ собой,
И на груди своей бурливой
Ее унесъ во мглѣ ночной.

* * *

Ты правду сказала, съ тобой
Пора намъ разстаться, пора!
Пусть пламя любви молодой
Совсѣмъ не погасло, игра
Тревожныхъ страстей пусть влечетъ
Еще насъ другъ къ другу... но тамъ...
Не будемъ-же ждать, какъ придетъ
Конецъ и любви и мечтамъ!
Довольно, мы счастьемъ своимъ
Вполнѣ насладились, другъ мой.
Ужель мы его осквернимъ?
Пора намъ разстаться съ тобой!
Къ чему притворяться и лгать,
Когда отлетаетъ любовь,
Стараться ее удержать,
Пытаться вернуть ее вновь?

Измѣна и холодъ и ложь...
Межъ нами ихъ быть не должно...
Проститься намъ время, такъ что-жь,—
Простимся, когда рѣшено!
Теперь обними, и съ тобой,
Покуда есть чувство межъ насъ,
Упьемся его красотой,
Упьемся—въ послѣдній ужь разъ!

* * *

Мы изнывали въ тьмѣ унылой.
Казалось намъ, что и страна
Какой-то дикой, злобной силой
На вѣчный сонъ обречена.
Въ себѣ извѣрясь, мы считали
Погибшей также и ее
И тѣмъ больнѣе сознавали
Все униженіе свое.
Но дни прошли,—и къ новой жизни
Все пробудилось мощно въ ней,
Все встрепенулося въ отчизнѣ.
Она встаетъ—еще сильнѣй.
Какъ богатырь своей былины,
Возставъ отъ сна, расширивъ грудь,
Она выходитъ на старинный
Къ побѣдамъ свѣта славный путь.

И прозрѣвая съ изумленьемъ
Зарю иныхъ, великихъ дней,
Мы преклонились съ умиленьемъ
Передъ отчизною своей.
Прости намъ, родина святая,
Что мы въ ничтожествѣ своемъ,
Въ безсильи духа изнывая,
Въ тебѣ извѣрились, въ твоемъ
Великомъ будущемъ и, снова
Воскреснувъ къ жизни свѣтлыхъ лѣтъ,
Отъ поколѣнія больнаго
Прими раскаянья привѣтъ!

* * *

Не хмурься, неопытный другъ,
Безплодную мысль отгони!
Хоть тягостенъ сердца недугъ,
Вернутся и свѣтлые дни.

Ужасно изъ устъ дорогихъ
Услышать пѣвучую ложь
И участь извѣдать другихъ,
Всообщую участь... Но все-жъ—

Художнику легче сносить
Измѣну: вѣдь къ женщинѣ страсть
Не въ силахъ вполнѣ усыпить
Въ немъ чудную, высшую власть

Завѣтныхъ, недремлющихъ думъ
И сердца влеченій иныхъ.

Воскреснетъ попрежнему умъ
Для образовъ вѣчно-живыхъ,

И тихо изъ сердца печаль
Исчезнетъ и снова оно
Запросится въ синюю даль,
Широкихъ стремленій полно.

Вѣдь розы опять зацвѣтутъ,
Лишь только настанетъ весна,
Опять соловьи запоютъ.
Природа, какъ геній, ясна.

И снова въ нее погрузясь,
Подхваченъ могучей волной,
Забудешь про прошлую связь
Съ невѣрною женской душой.

Не здѣсь-ли разгадка, что юнъ
Художникъ въ житейской борьбѣ,
Что много непорванныхъ струнъ
Всегда онъ имѣетъ въ себѣ,

Что лучъ возрожденія въ немъ
Сильнѣй послѣ бури блеститъ?

И этимъ чудеснымъ лучемъ
Онъ раны свои исцѣлитъ.

И вѣра въ любовь не умретъ:
Есть въ мірѣ другія сердца.
Но пусть даже онъ не найдетъ,
Чего въ ней искалъ, до конца,—

И все-же не даромъ даны
Желанья, тревоги страстей
И тайны не даромъ полны
Ихъ взоры, прекрасныхъ очей...

Такъ сладко порой пережить
И грозы страстей молодыхъ,
Такъ сладко ихъ пылъ воплотить
Въ созданьяхъ искусства живыхъ!

* * *

Спокойно на душѣ. Въ свободномъ созерцаньи
Такъ творчески-свѣтло настроенъ бодрый умъ
И въ немъ смѣняются среди глубокихъ думъ
Такія смѣлыя, парящія мечтанья!
Спокойно на душѣ. Душа обновлена,
Трепещетъ снова въ ней огонь небесной вѣры,
И, цѣлый міръ вмѣстивъ, расширилась она,
И въ ней любовь къ нему, любовь, какъ онъ,—безъ мѣры.
Сомнѣнья прежнія, смятенья безъ числа—
Такъ торжествующе, такъ властно поглотила
Такая гордая и радостная сила...
И даль грядущаго, и эта даль свѣтла!
И въ краскахъ утреннихъ опять вся жизнь съ тобою,
И если на нее вотъ, какъ теперь, смотрѣть
Преображенною, воскресшею душою,—
То вѣдь и жить легко, легко и умереть!

* *
*

Погибъ Іуда... Онъ не снесъ
Огня глухихъ своихъ страданій.
Надсонъ.

Я всѣмъ указалъ путь къ спасенію,—продолжалъ Воскресшій,—но для тебя, предатель, онъ закрытъ навсегда.
Щедринъ.

Когда Христа Іуда предалъ,
Тоской отчаянья томимъ,
Онъ муки страшныя извѣдалъ
И пытка овладѣла имъ.
Предъ нимъ носился ликъ Мессіи,
Его онъ видѣлъ на крестѣ,
И язвы совѣсти заныли
Съ гнетущей думой о Христѣ,
И стыдъ и страхъ въ душѣ преступной
Сжились съ той думой неотступной.
И изнывая подъ ярмомъ

Жестокихъ нравственныхъ страданій,
Не могъ влачить онъ жизнь скитаній
На сердцѣ съ огненнымъ клеймомъ.
Когда, подавленный сознаньемъ
Вины чудовищной своей,
Онъ мыслилъ съ тайнымъ содраганьемъ,
Какъ взоръ измученныхъ очей
Его Учителя закрылся,
Какъ онъ Мессію цѣловалъ,
Когда его онъ предавалъ,—
Напрасно въ страхѣ онъ молился
И къ милосердію взывалъ:
Онъ слишкомъ ясно сознавалъ,
Что нѣтъ винѣ его забвенья,
Не будетъ язвамъ исцѣленья.
Какъ тѣнь, скитался онъ, угрюмый,
Съ своей неотвратимой думой.
И наконецъ онъ изнемогъ
И дальше вынести не могъ,—
И скоро трупъ Іуды синій
Висѣлъ на трепетной осинѣ.

И говорятъ, что нѣтъ ему
И быть не можетъ отпущенья,—

Такъ трудно нашему уму
Найти ужаснѣй преступленье
И онъ отмщеніе зоветъ.
И есть преданье, что Іуда
Не умеръ, нѣтъ, что онъ живетъ,
И что спасенья не найдетъ
Себѣ предатель ни откуда,
Что казни мало для него,
Что безконечныя терзанья
Ему даны—безъ упованья
На благость Господа его.

Но, вѣдь, Распятаго ученье
Такъ полно кротости святой
И безпредѣльнаго прощенья...
Не оттого-ль и онъ порой
Такъ жалокъ людямъ—самъ предатель
Съ его убитою душой,
Что мнится, съ вѣрою живой,
Что и его проститъ Создатель,
Что Искупителя найдетъ
Въ Христѣ и самъ Искаріотъ?

Въ гондолѣ.

(Навѣяно музыкой Мендельсона.)

Отъ темныхъ горъ упала въ море тѣнь.
Спокойно спятъ бездонныя пучины.
Нѣмая ночь, смѣнивъ тревожный день,
Покрыла мглой прибрежныя долины.

Въ объятьяхъ ласковой волны,
Подъ дымкой луннаго мерцанья—
Блаженства страстнаго полны
Влюбленныхъ пылкія лобзанья!

Подъ тихій вздохъ морскаго вѣтерка,
Подъ звуки веселъ, мѣрно-говорливыхъ,
Заря любви, прекрасна и легка,
Сойдетъ на насъ, свободныхъ и счастливыхъ.

Въ объятьяхъ трепетной волны,
Подъ дымкой луннаго мерцанья—
Блаженства страстнаго полны
Влюбленныхъ пылкія лобзанья!

Опередивъ сестры небесной путь,
Горячимъ свѣтомъ сумракъ озаряя,
Средь этихъ безднъ въ больную вложитъ грудь
Забвенье слезъ въ безумной нѣгѣ рая.

Въ объятьяхъ ропщущей волны,
Подъ дымкой луннаго мерцанья—
Блаженства страстнаго полны
Влюбленныхъ пылкія лобзанья!

* * *

(Н. О. Васильеву.)

Артистъ-художникъ, ты рожденъ
Съ душой, достойной Мельпомены.
Пусть на подмосткахъ нашей сцены
Ты все, какъ прежде, обреченъ
На незначительныя роли,
Пусть иногда тебѣ до боли
Тоска по дѣлу давитъ грудь,
Зоветъ уйти куда-нибудь,
Но только-бъ творчеству отдаться,
Но только-бъ въ образахъ пожить,
Съ Мольеромъ, съ Гоголемъ смѣяться,
Съ Шекспиромъ, съ Шиллеромъ любить...
Повѣрь, спадетъ-же это бремя,
Повѣрь, твое настанетъ время.
Поднимется новая волна

И твой талантъ, въ тѣни сокрытый,
И будетъ жизнь твоя полна
И раны прошлаго—забыты.
Не забывай лишь, другъ, тогда
Завѣтовъ юныхъ и стремленій,
И блескъ счастливыхъ вдохновеній
И свѣтъ упорнаго труда,
Весь цѣнный кладъ ума и чувства—
На службу высшаго искусства
Безъ колебанія отдай,
Будь честенъ въ царствѣ слезъ и смѣха
И цѣлямъ пошлаго успѣха
Свой вольный даръ не подчиняй.

* * *

Типъ гречанки черноокой.
Станъ, охваченный туникой.
Взоръ очей, какъ смерть, глубокій,
При улыбкѣ свѣтлоликой.

Тѣло—Фидія творенье.
Профиль строгъ, черты камеи...
Вотъ ея изображенье,
Этой дѣвственной Цирцеи.

Поступь жрицы. Горделиво
Спятъ въ ней жгучія желанья...
То весталки-ли стыдливой,
Иль вакханки обаянье?

Вьются кудри, упадая
На божественныя плечи.

Все въ ней—сила молодая.
Смущена внезапной встрѣчей,

Вотъ она остановилась,
Вотъ она слегка вздрогнула,
Равнодушной притворилась,
Но рѣсницами метнула...

Рай, иль адъ сулитъ, сверкая,
Мощь загадочнаго взгляда?
Рай иль адъ! извѣдать рая
Съ ней готовъ цѣною ада!

15 іюля 1841.

Полвѣка ужь прошло, какъ ты закрылъ глаза,
Глаза орлиные безсмертнаго поэта...
И разразилася тогда въ горахъ гроза,
Въ тотъ часъ, какъ ты погибъ для родины и свѣта.
Природа чудная воспѣтаго тобой,
Тебя принявшаго полуденнаго края
Какъ-бы откликнулась на вздохъ послѣдній твой
И негодуя, и рыдая.
И вѣсть нежданная, какъ грозовой ударъ,
Всѣ лучшіе умы въ Россіи поразила...
И умерли съ тобой—священный сердца жаръ
И мысли творческой божественная сила;
Померкъ безбрежный міръ возвышенной мечты,
Гдѣ въ пѣсни дивныя искусство претворялось,
Гдѣ, какъ изъ волнъ морскихъ богиня красоты,
Изъ волнъ стиховъ твоихъ поэзія рождалась.

Ты послѣ Пушкина былъ посланъ намъ одинъ,
Родной поэзіи высокій паладинъ,
Жизнь русская дала другаго великана,
Но, какъ и перваго, сгубила слишкомъ рано.
Полвѣка ужь прошло, но нѣтъ подобныхъ вамъ,
И пустъ безъ генія осиротѣлый храмъ
И некому придти—въ немъ совершить служенье,
Какъ совершали вы, любимцы вдохновенья...
Оплакавшій его—ты умеръ вслѣдъ за нимъ
И непробудно спишь подъ камнемъ гробовымъ
Среди родныхъ полей, въ родныхъ твоихъ Тарханахъ...
Хоронимъ рано мы пѣвцовъ своихъ избранныхъ!
Полвѣка ужь прошло... Изъ мѣди образъ твой
Воздвигнутъ тамъ, гдѣ путь окончилъ ты земной...
Но мнится... образъ твой остался выше... тамъ,
Гдѣ тучамъ съ сѣвера, да царственнымъ орламъ
Такъ любо отдыхать, гдѣ твой Казбекъ угрюмый,
Тамъ, гдѣ твои парили думы...
Гдѣ вдохновеніе, какъ горный снѣгъ, сверкаетъ,
Гдѣ мысль, какъ сводъ небесъ, земное обнимаетъ,
Гдѣ область генія намъ душу просвѣтляетъ,
И лучъ безсмертія чело его вѣнчаетъ.

1891.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

11 Wy

ЦѢНА 1 РУБ. 25 КОП.

BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Morozov, Evgenij

Stichotvorenīja

Moskva 1892
81.97073
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11535637-1